

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-34-39>

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИИ-АГЕНТА: МОЖЕТ ЛИ НЕЙРОСЕТЬ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СДЕЛКУ?

Маркосян Г.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Маркосян Г.А. Правовой статус ИИ-агента: может ли нейросеть нести ответственность за сделку? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-34-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Маркосян Георгий Ашотович, кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 454-62-52

E-mail: lawckt@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Статья принята к печати: 25.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: *Целью исследования является комплексный анализ правового статуса автономных ИИ-агентов в контексте их способности совершать сделки и нести ответственность за противоправные действия в условиях цифровой трансформации гражданского оборота.*

Задачами исследования являются выявление правовой природы и сущности ИИ-агентов как новых участников гражданско-правовых отношений, анализ действующих подходов к распределению ответственности за действия ИИ-агентов в российской и зарубежной правовой доктрине, исследование проблем «правового вакуума» в регулировании сделок с участием ИИ-агентов, разработка концептуальной модели распределения ответственности при совершении ИИ-агентами противоправных действий.

В исследовании применялся комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-правовой анализ) и специальных *методов* (правовое моделирование, контент-анализ судебной практики, формально-юридический анализ).

В результате исследования установлено, что действующее законодательство РФ не признает ИИ-агентов субъектами права. Выявлена тенденция к формированию прецедентов привлечения к ответственности операторов ИИ-систем. Обоснована необходимость разработки специального нормативного регулирования для ИИ-агентов. Разработана многоуровневая модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов.

Выводы исследования: ИИ-агенты в настоящее время не обладают правосубъектностью и не могут самостоятельно нести ответственность за сделки. Ответственность за действия ИИ-агентов должна распределяться между операторами, разработчиками и пользователями. Перспективным направлением является развитие концепции «законопослушного ИИ» (Law-Following AI). Необходимо создание специализированных регуляторных механизмов для сделок с участием ИИ. Целесообразно использование экспериментальных правовых режимов для тестирования новых подходов к регулированию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-агент, правосубъектность, гражданско-правовая ответственность, сделка, автономные системы, цифровизация права.

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в гражданский оборот обуславливает необходимость переосмысления традиционных правовых конструкций. Автономные ИИ-агенты, способные самостоятельно принимать решения и выполнять сложные задачи, входят в противоречие с действующим российским законодательством, которое не предусматривает ИИ в качестве самостоятельного субъекта права [3, с. 19]. Это создает фундаментальную проблему: если ИИ-агент совершает ошибку, которая приводит к убыткам, к кому предъявлять претензии?

Проблема правового статуса ИИ-агентов приобретает особую актуальность в контексте их способности совершать сделки [9, с. 19]. Отсутствие единого федерального закона, регулирующего сферу искусственного интеллекта, создает неопределенность для бизнеса, особенно крупного и работающего с чувствительными данными, вынужденного действовать в условиях правового вакуума. Это замедляет стратегическое внедрение передовых технологий и увеличивает потенциальные юридические риски.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правового статуса автономных ИИ-агентов в контексте их способности совершать сделки и нести ответственность за противоправные действия. Для достижения цели поставлены задачи по выявлению правовой природы ИИ-агентов, анализу действующих подходов к распределению ответственности, исследованию проблем «правового вакуума» и разработке концептуальной модели распределения ответственности.

Научная новизна работы заключается в разработке комплексного подхода к определению правового статуса ИИ-агентов, синтезирующего достижения цивилистической доктрины и современные технологические реалии. В статье предложена оригинальная модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов, учитывающая степень их автономности и специфику выполняемых функций.

Структура статьи включает введение, методы исследования, результаты, научную дискуссию, заключение и список литературы. В научной дискуссии подробно анализируются ключевые аспекты правового статуса ИИ-агентов и предлагаются пути решения выявленных проблем.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей и задач в исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонность и достоверность полученных результатов.

Были использованы общенаучные методы: анализ и синтез позволили выделить структурные элементы правового статуса ИИ-агентов и интегрировать полученные знания в целостную концепцию; индукция и дедукция применялись для формулирования общих принципов на основе анализа конкретных случаев и, соответственно, выведения частных правил из установленных общих положений; сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов к регулированию ответственности ИИ-агентов в различных правовых системах.

Специальные методы исследования включали: правовое моделирование, позволившее разработать концептуальную модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов; контент-анализ судебной практики, обеспечивший выявление тенденций в разрешении споров, связанных с использованием ИИ; формально-юридический анализ, примененный для интерпретации нормативных положений в контексте регулирования отношений с участием ИИ.

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить методологическую обоснованность исследования и достоверность полученных результатов. Особое значение имел междисциплинарный подход, интегрирующий правовые и технологические аспекты анализа.

Результаты исследования

В результате анализа действующего законодательства установлено, что российское право не признает ИИ-агентов субъектами правоотношений. Они рассматриваются как инструмент или имущество, что создает фундаментальную проблему при определении ответственности за их действия [1, с. 21]. Выявлено, что в зарубежных юрисдикциях (ЕС, США, Китай) формируются различные подходы к регулированию ИИ. В ЕС доминирует превентивное регулирование через ИИ-Акт, в США – *ex post* применение *tort law*, в Китае – жесткий контроль с акцентом на содержание. Проанализированы прецеденты привлечения к ответственности за действия ИИ-систем, в том числе дело *Mobley v. Workday* (США), где впервые применена теория агента к вендору ИИ, и случаи в РФ, где прослеживается тенденция к применению ст. 1079 ГК РФ об ответственности за источник повышенной опасности. Создана многоуровневая модель распределения ответственности между оператором, разработчиком и пользователем ИИ-агента, учитывающая степень автономности системы, характер выполняемых функций и наличие человеческого контроля. Выявлено, что интеллектуальные системы

способны действовать непредсказуемо и независимо от того, как могли быть задуманы и запрограммированы их создателями, что усложняет задачу по определению ответственного лица в случае возникновения проблемных ситуаций. Установлена перспективность использования экспериментальных правовых режимов (ЭПР) или «регуляторных песочниц» для тестирования подходов к регулированию ИИ-агентов в ограниченных условиях с временным отступлением от действующих норм.

Научная дискуссия

Современные ИИ-платформы автоматизации, предоставляющие агентам доступ к веб-браузеру, файловой системе и терминалу, демонстрируют новый уровень автономности, не укладывающийся в традиционные правовые конструкции. Это ставит под сомнение устоявшееся представление об ИИ как исключительно об инструменте, аналогичном стандартному программному обеспечению. Проблема правосубъектности приобретает фундаментальный характер: в России, как и в большинстве стран, субъектами права являются физические и юридические лица, но не искусственные интеллектуальные системы.

Международная правовая доктрина демонстрирует различные подходы к определению искусственного интеллекта. Группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту (AI HLEG) Европейской комиссии определяет системы ИИ как «системы, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя свое окружение и предпринимая действия – с определенной степенью автономности – для достижения конкретных целей» [2, с. 17]. Ключевым признаком здесь является автономность, то есть способность функционировать без постоянного прямого вмешательства человека.

В контексте сделок особое значение приобретает способность ИИ-агентов не просто исполнять заранее запрограммированные алгоритмы, но и принимать решения в условиях неопределенности, руководствуясь заложенными в них целями и критериями оптимальности. Это качество сближает их с традиционными субъектами права, осуществляющими гражданско-правовую дееспособность [5, с. 157]. Однако, в отличие от корпораций, которые, будучи искусственными образованиями, действуют через свои органы управления, состоящие из физических лиц, ИИ-агенты могут действовать без постоянного непосредственного контроля.

Представляется, что наиболее перспективным направлением развития правового регулирования является концепция ограниченной правосубъектности ИИ-агентов, аналогичная конструкции юридического лица. Как отмечает Adnan Masood, в долгосрочной перспективе (5-10+ лет) policymakers могут рассмотреть вопрос о наделении высокоавтономных ИИ ограниченной правоспособностью (аналогично корпоративным образованиям) для распределения ответственности или заключения договоров, хотя большинство экспертов отвергают идею полной правосубъектности для ИИ [1, с. 189].

В настоящее время в российской правовой доктрине и судебной практике прослеживается несколько основных подходов к вопросу об ответственности за действия ИИ-агентов.

Гражданско-правовая ответственность по модели источника повышенной опасности представляет собой наиболее дискуссионный подход. В случае с автономной ИИ-платформой, которая действует без прямого скрипта, ответственность, вероятнее всего, будет возложена на оператора системы – компанию, которая внедрила и использует ИИ [3, с. 19]. При этом возникает вопрос о возможности применения ст. 1079 ГК РФ, предусматривающей ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Сторонники этого подхода указывают на непредсказуемость поведения автономных систем и их потенциальную способность причинять вред даже при правильной эксплуатации.

Деликтная ответственность по модели вины предполагает применение общих положений ГК РФ о возмещении вреда. В этом случае ключевое значение приобретает установление вины оператора или разработчика ИИ-системы в ненадлежащем осуществлении контроля, некачественном обучении модели или недостаточном тестировании [4, с. 82]. Сложность данного подхода заключается в необходимости доказать наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и наступившим вредом, что может быть затруднительно в случае «черного ящика», когда даже разработчики не могут полностью объяснить логику принятия решений ИИ-системой.

Договорная ответственность возникает в случаях, когда ИИ-агент используется для исполнения договорных обязательств. Например, если ИИ-система автоматически заключает сделки на основании заданных параметров, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких сделок будет нести сторона по договору, использующая данную систему [6, с. 21]. При этом особую сложность представляет ситуация, когда ИИ-агент действует в рамках предоставленных полномочий, но

принимает решение, приводящее к убыткам, которые невозможно было предвидеть на момент программирования системы [10, с. 43].

Зарубежный опыт демонстрирует тенденцию к расширению ответственности вендоров ИИ-систем. В деле *Mobley vs. Workday* суд допустил возможность привлечения вендора ИИ к ответственности как «агента» компаний, использующих его автоматизированные системы скрининга. Это создало прецедент, когда вендор был признан ответственным за дискриминационные решения, принятые его алгоритмами, даже при наличии договорных ограничений ответственности.

Отсутствие комплексного нормативного регулирования ИИ в России создает ситуацию правовой неопределенности. Бизнес, внедряющий автономные ИИ-агенты в критические бизнес-процессы, вынужден действовать в условиях «регуляторного вакуума», что создает значительные правовые риски. При этом, как отмечают эксперты, существующие правовые конструкции могут оказаться недостаточными для адекватного регулирования новых общественных отношений, возникающих в связи с использованием автономных систем.

Особую проблему представляет вопрос о том, кто должен нести ответственность за ошибку, допущенную ИИ-агентом, который самостоятельно принял решение. В текущей правовой парадигме ответственность всегда лежит на человеке или юридическом лице [8, с. 45]. Однако с развитием технологий и увеличением степени автономности ИИ-систем этот принцип может потребовать пересмотра.

Перспективным направлением развития регулирования является концепция «законопослушного ИИ» (Law-Following AI), предполагающая проектирование ИИ-агентов, способных интерпретировать и соблюдать правовые нормы. В отличие от подхода Азимова с его тремя законами робототехники, современная концепция LFAI предполагает не жесткое программирование ограниченного набора правил, а создание систем, способных к интерпретации естественно-языковых правовых текстов и применению их в изменяющихся условиях.

В России активно развивается механизм Экспериментальных Правовых Режимов (ЭПР), или «регуляторных песочниц» (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ¹), который позволяет тестировать новые технологии, включая автономный ИИ, в ограниченных условиях с временным отступлением от действующих норм. Участие в ЭПР позволяет бизнесу тестировать внедрение автономных агентов в критические процессы, не опасаясь немедленных штрафов за нарушения в «серой зоне» права [7, с. 29].

На основе проведенного анализа предлагается многоуровневая модель распределения ответственности за сделки с участием ИИ-агентов, включающая следующие элементы:

1. Уровень правовой квалификации предполагает дифференциацию ИИ-агентов по степени автономности и значимости выполняемых функций. Для систем с ограниченной автономностью, действующих по заранее определенным алгоритмам, сохраняется традиционный подход к ответственности оператора. Для высокоавтономных систем, способных к самостоятельному принятию решений в условиях неопределенности, предлагается введение специального режима ответственности, сочетающего элементы ответственности за источник повышенной опасности и страхование профессиональной ответственности.

2. Уровень распределения ответственности между участниками отношений (разработчик, оператор, пользователь) должен определяться с учетом их реальной возможности влиять на поведение ИИ-агента. Разработчик должен нести ответственность за недостатки конструкции и обучения системы, оператор – за ненадлежащую эксплуатацию и недостаточный контроль, пользователь – за неправильную постановку задач и использование результатов работы системы.

3. Уровень технического обеспечения включает требования к функциональности ИИ-агентов, направленные на минимизацию рисков. К ним относятся обязательное логирование всех действий и решений агента, возможность аудита алгоритмического принятия решений, встроенные механизмы ограничения потенциально опасных действий. Как отмечается в исследованиях, платформа, предоставляющая агентам доступ к критическим ресурсам, должна иметь встроенные механизмы «аудиторского следа» (audit trail), позволяющие отследить каждое автономное действие и его соответствие заданным параметрам.

4. Уровень процессуального доказывания предполагает адаптацию процессуальных институтов к особенностям отношений с участием ИИ-агентов. В частности, предлагается введение презумпции вины оператора/разработчика при причинении вреда действиями автономного ИИ-агента,

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

а также специальных правил распределения бремени доказывания с учетом асимметрии информации между потерпевшим и владельцем сложной технологической системы.

5. Уровень компенсации ущерба включает механизмы страхования ответственности владельцев ИИ-агентов, создание компенсационных фондов и иные инструменты обеспечения ответственности, учитывающие потенциально крупный масштаб ущерба, который может быть причинен действиями автономных систем.

Развитие правового регулирования ИИ-агентов невозможно без учета этических аспектов их использования. К числу ключевых этико-правовых проблем относятся вопросы предотвращения дискриминации, обеспечения транспарентности принятия решений, защиты персональных данных и приватности.

Особую актуальность приобретает проблема алгоритмической предвзятости, когда ИИ-системы воспроизводят и усиливают существующие в обществе стереотипы и дискриминационные практики. Как показало дело «Mobley» против «Workday», алгоритмы скрининга кандидатов могут дискриминировать соискателей по возрастному признаку, причем масштабы такой дискриминации могут быть значительными в силу тиражирования одного алгоритма многими пользователями.

Вопрос о защите персональных данных приобретает особое значение в контексте ИИ-агентов, часто работающих с большими массивами данных, включая персональные. Соответствие Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ является обязательным, однако автономные ИИ-агенты, имея доступ к файловой системе и интернету, могут непреднамеренно обработать или передать персональные данные с нарушением требований законодательства [8, с. 18]. Техническая изоляция обработки персональных данных, встроенные механизмы анонимизации и псевдонимизации становятся необходимыми элементами архитектуры ИИ-агентов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. ИИ-агенты в настоящее время не обладают правосубъектностью в понимании действующего российского законодательства и не могут самостоятельно нести ответственность за сделки. Они рассматриваются как инструмент или имущество, что создает значительные сложности при определении ответственного лица в случае причинения вреда или неисполнения обязательств.

2. Ответственность за действия ИИ-агентов должна распределяться между операторами, разработчиками и пользователями с учетом степени автономности системы, характера выполняемых функций и возможности осуществления контроля за поведением ИИ-агента. Перспективным направлением является разработка дифференцированного подхода к регулированию ответственности в зависимости от категории ИИ-агента и рисков, связанных с его использованием.

3. Концепция «законопослушного ИИ» (Law-Following AI), предполагающая проектирование ИИ-агентов, способных интерпретировать и соблюдать правовые нормы, представляет собой перспективное направление развития регулирования. В отличие от жесткого программирования ограниченного набора правил, данный подход позволяет создавать системы, способные адаптироваться к изменяющимся правовым условиям и учитывать контекст принятия решений.

4. Создание специализированных регуляторных механизмов для сделок с участием ИИ является насущной потребностью развития цифровой экономики. Многоуровневая модель ответственности, включающая правовую квалификацию, распределение ответственности, технические требования, процессуальные аспекты и механизмы компенсации, может стать основой для будущего нормативного регулирования.

5. Использование экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц») для тестирования новых подходов к регулированию ИИ-агентов позволяет апробировать различные модели распределения ответственности в контролируемых условиях без немедленного применения санкций за нарушения действующих, но неадекватных новым реалиям норм права.

Значимость проведенного исследования для науки и практики заключается в разработке комплексного подхода к определению правового статуса ИИ-агентов, синтезирующего достижения цивилистической доктрины и современные технологические реалии. Предложенная модель распределения ответственности может быть использована в law-making процессе и правоприменительной практике².

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

² Потапенко С.В. ИИ в правосудии: помощник или замена судьи? [сайт]. Коммерсантъ; 2025 [обновлено 20 октября 2025; процитировано 25 октября 2025]. Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/8138953>.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка критериев классификации ИИ-агентов для целей правового регулирования, анализ зарубежного опыта регулирования ответственности за действия автономных систем, исследование возможностей технологии распределенных реестров для фиксации сделок, совершаемых ИИ-агентами.

Список использованной литературы:

1. Абакарова А.Р. Искусственный интеллект как субъект права: фантастика или будущее юридической науки? *Финансовая экономика*. 2025;(5):189–191.
2. Арефьева О.В. Я – специалист и профессионал: *сборник научных статей V Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. Арефьева О.В.* Санкт-Петербург; 2025.
3. Вавилин Е.В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов. *Вестник гражданского процесса*. 2021;(11):13–35. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-13-35.
4. Воронин Е.Ю., Ластин В.И. Эволюция искусственного интеллекта: от экспертных систем к автономным агентам. *Моя профессиональная карьера*. 2025;(72):82–86.
5. Голованов В.И. Использование искусственного интеллекта в повышении качества подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления. *Муниципальная академия*. 2023;(3):157–169. DOI: 10.52176/2304831X_2023_03_17.
6. Голоманчук Э.В. Актуальные проблемы частного и публичного права. *Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, РАНХиГС) / отв. ред. Голоманчук Э.В.* Волгоград; 2025.
7. Зарайская Э.С., Гайдук Н.В. Искусственный интеллект в сфере государственного и муниципального управления в современной России. *Цифровизация экономики: направления, методы, инструменты: сборник научных статей*. Краснодар; 2025.
8. Олин Р.А., Портнов К.В., Шатрова Е.С. Инновационный менеджмент предприятия в условиях взаимодействия с машинными клиентами и автономными агентами на основе искусственного интеллекта. *Журнал монетарной экономики и менеджмента*. 2024;(3):218–224.
9. Пономарева Е.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ. *Вестник Гуманитарного университета*. 2023;(43(4)):17–31. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02.
10. Соколов Ю.И. Риски высоких технологий: монография. М.; 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркосян Георгий Ашотович

кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

SPIN-код: 9559-0821

AuthorID: 797580